

Радченко Мария Михайловна

**"ДОМИК НА 5-ОЙ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ" Ю. АННЕНКОВА КАК ОДИН ИЗ ПРЕТЕКСТОВ
"ДНЕВНИКА МОИХ ВСТРЕЧ"**

В настоящей работе рассматривается, как рассказ Ю. Анненкова "Домик на 5-ой Рождественской" (опубликованный им в 1928 г. под псевдонимом Борис Темиряев) соотносится на текстуальном уровне с мемуарной работой художника "Дневник моих встреч" 1966 г. Основное внимание уделено анализу повторяющихся в обоих текстах фрагментов с незначительными стилистическими расхождениями. В работе также было определено, насколько значимым для самого писателя было введение автобиографического компонента в свой рассказ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 1. С. 59-62. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. **Faulseit D.** Die literarische Erzähltechnik. Halle, 1963. 287 S.
10. **Joyce J.** A Painful Case // Антрушина Г. Б. Another Book for Reading and Discussion: пособие для чтения на английском языке. М.: Международные отношения, 1979. С. 31-43.
11. **Murdoch I.** The Sandcastle. Л.: Просвещение, 1975. 214 с.
12. **Murdoch I.** The Time of the Angels. Frogmore, St Albans: Triad/Panther Books, 1978. 236 p.
13. **Saroyan W.** Corduroy Pants // Saroyan W. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1975. P. 100-106.
14. **Saroyan W.** Laughter // Saroyan W. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1975. P. 59-67.
15. **Saroyan W.** The Daring Young Man on the Flying Trapeze // Saroyan W. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1975. P. 33-41.
16. **Saroyan W.** The Fire // Saroyan W. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1975. P. 170-175.
17. **Saroyan W.** The Oranges // Saroyan W. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1975. 464 p. P. 93-99.

**THE SYNTACTIC STRUCTURE OF FREE INDIRECT SPEECH
(BY THE EXAMPLE OF THE ANGLO-AMERICAN PROSE OF THE XX CENTURY)**

Puchinina Ol'ga Pavlovna

*Yelabuga Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University
olga.puchinina@gmail.com*

In the article the syntactic structure of the free indirect speech is considered. The author shows that the syntactically the free indirect speech can be represented by interrogative and exclamatory sentences, elliptical, parcelled constructions, syntactic links, repetition, mononuclear sentences and so on. It is proved that the syntactic construction of the free indirect speech helps the writer to reveal the complex spiritual world of the characters, their inner experiences, and to show the search for the proper solutions.

Key words and phrases: free indirect speech; psychological prose; interrogative sentences; exclamatory sentences; elliptical sentences; parcelled constructions; syntactic link; syntactic repetition.

УДК 8; 82.0

В настоящей работе рассматривается, как рассказ Ю. Анненкова «Домик на 5-ой Рождественской» (опубликованный им в 1928 г. под псевдонимом Борис Темиряев) соотносится на текстуальном уровне с мемуарной работой художника «Дневник моих встреч» 1966 г. Основное внимание уделено анализу повторяющихся в обоих текстах фрагментов с незначительными стилистическими расхождениями. В работе также было определено, насколько значимым для самого писателя было введение автобиографического компонента в свой рассказ.

Ключевые слова и фразы: Ю. П. Анненков; «Дневник моих встреч»; Б. Темиряев; «Домик на 5-ой Рождественской»; комментарий; претекст; повтор фрагментов.

Радченко Мария Михайловна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
marmihradchenko@gmail.com*

**«ДОМИК НА 5-ОЙ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ» Ю. АННЕНКОВА
КАК ОДИН ИЗ ПРЕТЕКСТОВ «ДНЕВНИКА МОИХ ВСТРЕЧ»**

Ю. П. Анненков, русский художник-график, декоратор и писатель, еще до своего отъезда в 1924 г. за границу печатал свои статьи об искусстве. Обосновавшись в Париже и занимаясь графикой и оформлением театральных постановок, художник продолжил создавать и публиковать не только свои теоретические работы, но и художественные произведения.

Первый рассказ художника «Любовь Сеньки Пупсика» [11] занял первое место в четвертом литературном конкурсе журнала «Звено». Конкурс проходил таким образом, чтобы все произведения конкурсантов были представлены анонимно – так организаторы стремились к большей объективности оценок и голосов, получаемых от читателей. Это произведение, как и многие последующие («Домик на 5-ой Рождественской» [10], «Сны» [14], «Повесть о пустяках» [12], «Тяжести» [15; 16; 17], «Рваная эпопея» [13]), художник публиковал под псевдонимом Борис Темиряев, довольно эффектно заявив о себе благодаря победе в конкурсе: «По вскрытию конверта с означенным девизом, оказалось, что автором рассказа “Любовь Сеньки Пупсика” является г. Борис Темиряев (Париж), которому и будет выдана редакцией премия в 1000 фр.» [7].

Читая рассказы Ю. П. Анненкова, написанные им в эмиграции, и его самую значимую литературно-художественную работу «Дневник моих встреч», нельзя не заметить повторы, совпадения, «переклички» между текстами, изданными с разницей более чем в 30 лет. При сопоставлении ранних рассказов художника и его книги мемуаров возникает ощущение «дежавю», вызванное довольно частыми совпадениями фрагментов на текстуальном уровне.

В настоящей работе будет рассмотрено явление «эхо-диалога» между «Дневником моих встреч» Ю. Анненкова и его рассказом «Домик на 5-ой Рождественской», впервые опубликованным в журнале «Современные записки» 1928 г. и не раз потом переиздававшимся, но уже в литературном журнале «Стрелец».

А. А. Данилевский [6] рассматривает этот рассказ как произведение, аккумулирующее в себе обилие интертекстуальных связей. Исследователь выявил и объяснил то, как в «Домике» проявлены и переосмыслены характеры, образы и мотивы, использовавшиеся как писателями XIX в., так и современниками художника.

Целью же настоящей работы является рассмотрение текстуальных совпадений, которые обнаруживаются при прочтении и сопоставлении созданных Ю. Анненковым произведений – рассказа «Домик на 5-ой Рождественской» (1928 г.) и мемуаров «Дневник моих встреч» (1966 г.).

На вторую литературно-художественную работу Б. Темиряева обратили внимание именитые писатели того времени. З. Гиппиус в своей рецензии иронично пересказала сюжет этого произведения: «Второй рассказ Темиряева “Домик на 5-ой Рождественской” передается в самых кратких словах: все сошли с ума, потом все умерли разнообразными смертями (человек 10-12), а домик срыли» [5]. В целом, сложно не согласиться со столь лаконичной и при этом точной передачей содержания рассказа. Произведение действительно повествует о том, насколько трагично сложилась жизнь обитателей петербургского дома (и самого здания) в безжалостные годы революции. Однако поэтесса рассмотрела исключительно сюжетный каркас рассказа, совсем не обратив внимания на особенности языка и стиля «начинающего» писателя.

Впрочем, достоинства «Домика на 5-ой Рождественской» выявил и оценил Георгий Адамович: «Новый рассказ Темиряева значительно ценнее “Пупсика”. Сентиментальность, некоторая сыроватость слога и чувства есть и в нем, но эти черты кажутся менее случайными. <...> Темиряев бесспорно даровит. <...> В писаниях Темиряева есть что-то неуловимо-советское – не то Пильняк, не то Серапионы, не то Лидин, – есть увлечение обманчивой, призрачной свежестью и новизной этих беллетристов. Но сквозь сомнительные приемы в писаниях Темиряева виден человек, и притом человек, который может стать художником» [1]. Так, Г. Адамович, ориентируясь исключительно на литературный стиль малоизвестного писателя, смог распознать в нем уже состоявшегося профессионального художника.

Не менее ценным критическим откликом стало замечание В. Сирина (В. Набокова), упрекнувшего автора «Домика» в чрезмерном использовании повторов и словесных рядов: «Рассказ Темиряева ярок и отчетлив, но автору хочется посоветовать отбросить некий прием, которым он пользуется. Вот образец этого приема: “спокойствие, спокойствие, спокойствие”, твердит Петушков <...> и если рука, державшая шляпу, иногда вздрагивала, то это происходило исключительно от холода или от мускульного напряжения”. Вот это кокетливое “исключительно”, – прием сомнительный, часто встречающийся, кстати сказать, у Эренбурга. Зачем эта маска, зачем не просто сказать (или показать), что человек был оскорблен, рассержен?» [8].

Несмотря на недочеты, выявленные писателями во втором рассказе Б. Темиряева (Ю. Анненкова), преимущественно они всё же отметили, что этот текст обладает «внутренней» привлекательностью, яркостью и особой «стилевой свежестью». А задействованный в рассказе прием, на который жалуется в своей рецензии В. Набоков, позволяет развернуть картину событий таким образом, чтобы читатель сам смог «дорисовать», довести до полноты изображения эмоциональное состояние персонажей, намеренно не называя их напрямую. Такого рода смысловая насыщенность текста при ее некоторой фабульной недосказанности свойственна стилю Ю. Анненкова. Это прием намека, «подмигивания» **все понимающему** (*Здесь и далее выделение текста жирным шрифтом наше – М. Р.*) читателю, на которого и ориентировался художник.

Раскрытие, «расшифровку» намеков, разбросанных по рассказу «Домик на 5-ой Рождественской», можно обнаружить в мемуарах Ю. Анненкова «Дневник моих встреч». Эта работа стала своего рода комментарием к более ранним произведениям писателя. Об этом свидетельствуют представленные в рассматриваемом рассказе эпизоды, которые соотносятся (иногда почти дословно) с фрагментами «Дневника».

В самом начале рассказа, повествующем о красоте Санкт-Петербурга, воплощенной в геометрической выверенности города, неслучайно упоминается архитектор и живописец Андрей Никифорович Воронихин: «Город Растрелли, Томона и Воронихина, город светлых колонн и холодных фронтонов – прозрачен и синь в снегу, коричнево-желтый в тумане» [10, с. 196]. В «Дневнике моих встреч» – в самой первой «портретной главе», посвященной творчеству Максима Горького, Ю. П. Анненков начинает свое повествование с рассуждения об исторической закономерности, заключающейся в том, что многие выдающиеся деятели культуры, искусства и науки происходили из «нижних социальных слоев». Среди перечисляемых Ю. Анненковым имен особое внимание уделено А. Н. Воронихину: «Разве зодчий и живописец Воронихин, **дед моего дяди**, не был крепостным графа Строганова? <...> Разве по заказу коммунистической партии и ее правительства Воронихин воздвиг Казанский собор на Невском проспекте? Разве это после Октября крепостной Воронихин построил здание Горного института, каскад и колоннады в Петергофе, дворцы в Гатчине, в Павловске, в Стрельне, изумительную строгановскую дачу на Большой Невке?» [2, с. 25]. Ю. Анненков умело вплетает в ткань своего рассказа этот автобиографический компонент, указывая на свое «отдаленное» родство с Воронихиным. Благодаря этой детали художник будто делает акцент на своем особом статусе по отношению к всеобщей истории, будучи связанным некими семейными узами с таким знаменитым «градостроителем» прошлого. Так, Ю. Анненков подчеркивает, что для него Петербург не просто город, а своего рода «личное наследство по праву рождения».

«Зашифрованный» автобиографизм прослеживается и во взаимосвязи рассказа с «Дневником моих встреч» в следующем эпизоде: «Однажды вечером, у Финляндского вокзала, нетерпеливо волновалась особенно многолюдная толпа. Из ее черных недр, над винтовками сумрачных матросов, вздымались кубы броневой машины. Сойдя с перрона в лиловый холод прожекторов, взгромоздился на стальную спину Ленин, снял кепку, обнажив пудовый лысый череп и произнес: “Товарищи!”» [10, с. 202-203]. Согласно произведению,

появление Ленина на вокзале взбудоражило и вдохновило на «революционный подвиг» одного из героев рассказа – Стасика Балчуса, в честь которого впоследствии была названа детская площадка, построенная на месте разрушенного домика [Там же, с. 222]. В «Дневнике моих встреч» Анненков так описал свои собственные впечатления от выступления Ленина на вокзале: «3-го апреля 1917 года я был на Финляндском вокзале в Петербурге в момент приезда Ленина из-за границы. Я видел, как сквозь бурлящую толпу Ленин выбрался на площадь перед вокзалом, вскарабкался на броневую машину и, протянув руку к “народным массам”, обратился к ним со своей первой речью. Толпа ждала именно Ленина. Но – не я» [3, с. 259]. Так, поместив в одно событийное поле себя и своего вымышленного героя, Ю. Анненков отчетливо противопоставил себя человеку из «народной массы», Стасику Балчусу, при этом довольно достоверно передав его эмоциональное потрясение и «перерождение» (беспутный Стасик добровольцем уехал на фронт) после вдохновенного обращения «вождя пролетариата» к собравшимся на вокзале.

Самым объемным текстовым фрагментом, повторившимся как в рассказе [10, с. 207], так и в «Дневнике» [2, с. 37], является встреча Герберта Уэллса с русскими писателями в «голодном» Петербурге 1920 года. В отличие от рассмотренных выше, именно этот эпизод из рассказа «Домик на 5-ой Рождественской» почти дословно передан в «Дневнике моих встреч». Несмотря на минимальные лексические расхождения, которые обнаруживаются при сопоставлении рассказа и мемуарной работы, и большую точность «Дневника» в передаче имен действующих лиц, этот эпизод воспроизведен практически одинаково в обоих текстах. Для сравнения приведем часть этого фрагмента.

В рассказе ярко передано отчаяние деятелей искусств, выступивших перед английским писателем, который приехал «праздно» понаблюдать за тем, как совершается «курьезный исторический опыт»: «Речь седовласого ученого приближалась к истерике. Наступило тягостное молчание, так как никто не был уверен в соседе, но все предвидели дальнейшую участь оратора. Тогда сорвался со стула молодой и пылкий литератор и закричал в лицо иностранцу <...>» [10, с. 206].

В тексте «Дневника моих встреч» этот эпизод передан не менее эмоционально, но с большим количеством фактографических деталей: «Голос Амфитеатрова приближался к истерике, и когда он умолк, наступила напряженная тишина, так как никто не был уверен в своем соседе и все предвидели возможную судьбу слишком откровенного оратора. После минутного молчания сидевший рядом со мной Виктор Шкловский, большой знаток английской литературы и автор очень интересного формального разбора “Тристрама Шенди” Лоуренса Стерна, сорвался со стула и закричал в лицо бесстрастного туриста <...>» [2, с. 39]. Писатель сохраняет синтаксическое строение предложений, заменяя лишь определенные лексические словосочетания на синонимичные им. Например, «тягостное молчание» в «Дневнике» получило более семантически насыщенную формулировку «напряженная тишина». В своей мемуарной работе – в отличие от рассказа – художник изображает эту непростую ситуацию детальнее при помощи эмоционально окрашенной лексики: «все предвидели дальнейшую участь оратора» [10, с. 206] в «Дневнике» трансформировалось в более распространенную фразу «все предвидели возможную судьбу слишком откровенного оратора» [2, с. 39].

Согласно «Дневнику», Ю. П. Анненков присутствовал на этом вечере («сидевший рядом со мной Виктор Шкловский...»). И несмотря на довольно ощутимую субъективность и недостоверность приводимых в «Дневнике моих встреч» описаний, на которые обращают внимание исследователи [9], художник лично наблюдал за скандалом, разразившимся на встрече русских литераторов с Г. Уэллсом. Подтверждением этому является портретный набросок английского писателя, который был сделан во время этого собрания [6, с. 60].

Так, зафиксированное художником в записных книжках (о них упоминал как Ю. Анненков [3, с. 277], так и знавшие его люди [4]) событие 1920 года воплотилось в художественном произведении 1928 г. и с большей точностью было воспроизведено в мемуарной книге 1966 г.

Еще один фрагмент рассказа, отразившийся позже в «Дневнике моих встреч», повествует о том, как один «долговязый писатель», начальник Отдела Управления и некая балерина посетили питерский крематорий, чтобы наблюдать «опытное сжигание» [10, с. 219]. Однако этот эпизод был подробно рассмотрен и проанализирован А. А. Данилевским [6, с. 61].

Автобиографическое начало можно выявить не в одном десятке произведений, что вполне естественно, так как личный опыт любого писателя играет не последнюю роль в создании литературно-художественных работ. Ю. Анненкова отличает то, насколько подчеркнуто важным является для него наличие в произведениях отсылок к его собственной истории жизни. В связи с этим обнаружение совпадающих фрагментов между рассказом 1928 г. «Домик на 5-ой Рождественской» и книгой мемуаров 1966 г. «Дневник моих встреч», созданных Ю. Анненковым, дают основание не только рассматривать мемуары как комментарий, расшифровывающий недомолвки и намеки, в таком обилии представленные в литературном произведении художника. В этом отношении также можно утверждать, что «Домик», в содержание которого Ю. Анненков умело ввел несколько автобиографических эпизодов, стал своего рода одним из претекстов «Дневника моих встреч».

Список литературы

1. Адамович Г. В. «Современные записки», кн. XXXVII. Часть литературная [Электронный ресурс]. URL: http://emigrantika.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3:rusparis&catid=2:biblio&id=522:bookv (дата обращения: 12.12.2015).
2. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч: цикл трагедий: в 2-х т. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1966. Т. 1. 348 с.
3. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч: цикл трагедий: в 2-х т. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1966. Т. 2. 349 с.

4. **Бабенчиков М.** Художник и чорт // Анненков Ю. Портреты. СПб.: Петрополис, 1922. С. 59-114.
5. **Гиппиус З.** Без критики (О «Современных Записках») [Электронный ресурс]. URL: <http://gippius.com/doc/articles/bez-kritiki.html> (дата обращения: 12.12.2015).
6. **Данилевский А. А.** Домик на 5-ой Рождественской Ю. П. Анненкова и «Петербургский текст русской литературы» // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись: материалы международной конференции. Таллин: Мосты культуры; Герашим, 2004. С. 44-69.
7. **Результаты 4-го литературного конкурса «Звена»** // Звено. Париж, 1927. № 229.
8. **Сирин В.** «Современные записки» XXXVII [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emigrantika.ru/news/525-bookv> (дата обращения: 12.12.2015).
9. **Стругинская Е. И.** Все хорошее – с Арбата // Вопросы Анненковедения. 2005. № 28.
10. **Темирязов Б. [Анненков Ю. П.]** Домик на 5-ой Рождественской // Современные записки. Париж, 1928. № 37. С. 196-223.
11. **Темирязов Б. [Анненков Ю. П.]** Любовь Сеньки Пупсика // Звено. Париж, 1927. № 222. С. 7-9.
12. **Темирязов Б. [Анненков Ю. П.]** Повесть о пустяках. Берлин, 1934. 290 с.
13. **Темирязов Б. [Анненков Ю. П.]** Рваная эпопея // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 59. С. 22-40; № 60. С. 29-67; № 61. С. 25-62.
14. **Темирязов Б. [Анненков Ю. П.]** Сны // Современные записки. Париж, 1929. № 39. С. 139-169.
15. **Темирязов Б. [Анненков Ю. П.]** Тяжести (Отрывок из романа) // Современные записки. Париж, 1935. № 59. С. 167-196.
16. **Темирязов Б. [Анненков Ю. П.]** Тяжести (Отрывок из романа) // Современные записки. Париж, 1937. № 64. С. 79-97.
17. **Темирязов Б. [Анненков Ю. П.]** Тяжести (Отрывок из романа) // Русские записки. Париж, 1938. № 3. С. 104-145.

**“A SMALL HOUSE IN THE 5TH CHRISTMAS ST.” BY YU. ANNENKOV
AS ONE OF THE PRETEXTS OF “THE DIARY OF MY MEETINGS”**

Radchenko Mariya Mikhailovna
Lomonosov Moscow State University
marmihradchenko@gmail.com

The current article considers how the story by Yu. Annenkov “A Small House in the 5th Christmas St.” (published by him in 1928 under the pseudonym Boris Temiryazev) correlates with a memoir work of the artist “The Diary of My Meetings” at the textual level. Special attention is paid to the analysis of recurrent fragments with insignificant stylistic discrepancies. The paper also highlights how important the introduction of an autobiographic component in his story was for the writer himself.

Key words and phrases: Yu. P. Annenkov; “The Diary of My Meetings”; B. Temiryazev; “A Small House in the 5th Christmas St.”; commentary; pretext; repetition of fragments.

УДК 74:82-92

В статье исследуется актуальный вопрос о роли иллюстрации как компонента креолизованного медиатекста в дизайне современных детских изданий, ее взаимосвязь с вербальным текстом и особенности ее восприятия реципиентом. Иллюстрация в составе креолизованного медиатекста впервые рассматривается на материале детских книжно-журнальных изданий. Особое внимание автор уделяет тенденциям современного рынка печатных детских медиа.

Ключевые слова и фразы: иллюстрация; креолизованный текст; вербальный текст; детский журнал; детская книга; дизайн издания; иллюстрирование.

Ситникова Екатерина Витальевна, к. филол. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
slovobook@mail.ru

ИЛЛЮСТРАЦИЯ КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНТЕНТА ДЕТСКИХ ИЗДАНИЙ

Актуальность исследования обусловлена тем, что детские издания имеют большое значение в контексте современного медиапространства. Их визуальный облик и содержательное наполнение взаимосвязаны и влияют на формирование представлений ребенка об окружающем мире. При этом лишь качественно оформленные издания могут похвастаться конкурентоспособностью в условиях медиарынка. Таким образом, издания тесно связаны с дизайном и немыслимы без иллюстраций, которые значат в детских печатных СМИ и книгах не меньше текста.

«Иллюстрация» – латинское слово и в буквальном переводе значит «освещение», «наглядное изображение» [4, с. 538]. Под термином «иллюстрация» можно понимать любое помещенное в издание изображение, которое сопровождает, дополняет или поясняет текст. С точки зрения семиотики иллюстрация представляет собой визуальный код, образующий систему различных символических ценностей. Иллюстрация – дополнительная нетекстовая информация, или особый тип медиатекста, по которому еще не умеющий читать ребенок узнает содержание любой истории.

Медиатекст – «интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» [11, с. 32].